

•
РЕТРО-ДЕТЕКТИВЫ
АНТОНА ЧИЖА
И ИВАНА ЛЮБИШКО

•

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

•
супостат

•
маскарад
со смертью

•
теперь Азраила

•
тайна
персидского обоза

•
убийство на водах

•
секрет Распутина,
или Черная магнолия

•
кровь на палубе

И В А Н

ЛЮБЕНКО

• кровь на палубе •

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л93

Художественный редактор — *Петр Петров*

В оформлении обложки
использовано фото из архива автора

Любенко, Иван Иванович.

Л93 Кровь на палубе / Иван Любенко. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 448 с. — (Ретро-детективы Антона Чижика и Ивана Любенко).

ISBN 978-5-699-91205-6

Когда внук русского пирата Капитона Русанова решает расшифровать криптограмму из дедушкиного наследства, он делает роковой шаг! Криптограмма — ключ к мадагаскарским сокровищам, найти которые — мечта каждого. Но на пути к золоту — трупы...

Присяжному поверенному Климу Ардашеву предстоит раскрыть цепь загадочных преступлений, связанных с древним кладом, попасть в морской круиз и чуть не потерять свою любимую супругу в схватке с убийцей...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Любенко И., текст, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-91205-6

Моей маме посвящается...

• 1 •

ТАИНСТВЕННАЯ КРИПТОГРАММА

*«Ставропольские губернские ведомости»
№ 30 от 9 августа 1910 года*

ПОТЕРИ. НАХОДКИ. РАЗНОЕ

Расшифруй криптограмму – получи 25 рублей:

6141234132262141815598.64501554.2.

Нашедшему ответ надлежит оставить в почтовом отделении № 1 конверт с указанием своего адреса и пометкой «до востребования, предъявителю десятирублевого кредитного билета № КЗ 530215».

Клим Пантелеевич Ардашев дважды перечитал объявление, отложил газету и откинулся на спинку кожаного кресла. «Двадцать пять рублей за простую разгадку? Странно. — Присяжный поверенный достал коробочку любимого монпансье «Георг Ландрин», выбрал очередную прозрачную жертву и отправил ее в рот. — А какие

меры предосторожности! Подумать только! — Он снова пробежал глазами строку: «...оставить... конверт с указанием своего адреса и пометкой: «до востребования, предъявителю десятирублевого кредитного билета № КЗ 530215». — Откровенно говоря, все это смахивает на дешевый розыгрыш или, что более вероятно, на заурядное мошенничество».

Опыт адвокату подсказывал, что все необычные и малопонятные на первый взгляд события всегда случаются по чьей-то воле, а их последствия, к сожалению, бывают далеко не самые лучшие. Последние три года именно так все и происходило. Взять хотя бы прошлогоднее дело госпожи Загорской. Вроде бы суцья чепуха, так, фантазии восьмидесятилетней старушки: какие-то призраки, самовоспламеняющиеся свечи, непонятные голоса, ахи-вздохи... А во что все в итоге вылилось? «И все-таки: тридцать одна цифра и две точки, — глаза сами всматривались в типографский шрифт, а мозг невольно анализировал текст. — Ну уж нет! Хватит с меня криминальных ребусов и шарад! — остановил себя Клим Пантелеевич. — Надо бы и супругу уважить...»

Он перевернул страницу и принялся читать отчеркнутую Вероникой Альбертовной колонку: *«Уважаемые Дамы и Господа! Российское Общество туристов совместно с Русским Обществом Пароходства и Торговли приглашает Вас в незабываемый круиз по пяти морям: Черному, Мраморному, Эгейскому, Средиземному и Красному! Самый современный и комфортабельный пароход, вежливый персонал, средиземноморская и французская кухня, концерты знамени-*

тых артистов – все к вашим услугам! Вы откроете для себя шумный Константинополь, жемчужину Средиземноморья Смирну, античный остров Родос, благоухающий ароматами апельсиновых деревьев Бейрут, лучезарную Яффу, древний Египет, пройдете через Баб-эль-Мандебский пролив и увидите порт Джибути! Отплытие из Одессы 10 сентября в полдень, а также из Новороссийска в два часа пополудни следующего дня». «Ох, господи! – усмехнулся Ардашев. – Кто бы мог подумать, что я вернусь туда снова, да еще в качестве туриста! А впрочем, почему бы и нет? Тем более что в Джибути мне бывать не приходилось...»

Еще пять лет назад тайного посланника Российской империи – Клим Ардашева – в полусознательном состоянии доставили в Одессу на борту одного небольшого греческого контрабандного судна, потрепанного, как башмак бродяги. «Подданный Австро-Венгерской империи» страдал тропической лихорадкой и имел два сквозных пулевых ранения обеих ног – «подарок» союзников с Туманного Альбиона. Военный госпиталь и три последовательные операции на суставах не помогли. Консилиум врачей пришел к единодушному и весьма неутешительному заключению: самостоятельно ходить начальник Азиатского департамента МИД России вряд ли сможет. А значит, о секретных операциях за рубежом предстояло забыть навсегда. Ближайшая перспектива ничего хорошего не сулила. Бывший константинопольский «чайханщик», «хозяин ателье» по пошиву европейского платья во французском Тунисе, «советник» русского посла в Персии, «торговец»

драгоценными камнями на Цейлоне, «консультант» начальника полиции Дамаска и даже «австрийский археолог» в Порт-Саиде теперь остался не у дел. А успехов за плечами было немало: создание агентурной сети в Британской Ост-Индии (на Цейлоне, в Карачи, Бомбее и Хайдарабаде), вербовка высокопоставленного чиновника английской колониальной администрации в Дели и, наконец, последнее достижение — перлюстрация личного послания премьер-министра Великобритании представителю Соединенного Королевства на российско-английских консультациях по разграничению сфер влияния в Персии. Этого англичане ему не простили...

Теперь коллежского советника ждала почетная отставка и пожизненная пенсия. Так все, собственно, и вышло, правда, к этому добавились и другие «мелочи»: золотой перстень с вензельным изображением «Высочайшего имени Его Императорского Величества», жалованный по особому соизволению Государя, орден Владимира IV степени с бантом, единовременная денежная выплата в сто тысяч рублей и... пара костылей. И все это в тридцать восемь... Одним словом — полная и абсолютная безысходность. Наверное, он мог бы впасть в отчаяние и начать себя жалеть. И тогда — пропасть, темная и бездонная, от которой веет ледяным могильным холодом.

Но, видно, Бог помог, и Клим Пантелеевич сумел встать на ноги — в прямом и переносном смысле. Спустя два года благодаря собственной методике выздо-

ровления он даже избавился от легкой хромоты. Вскоре, окончив экстерном Петербургский университет, новоявленный юрист получил право на адвокатскую деятельность, минуя обязательный пятилетний срок работы помощником присяжного поверенного. Перебравшись из столицы на родину, бывший секретный посланник заметно помолодел и теперь совершенно не выглядел на свои сорок три. Его открытое, гладко вы бритое на европейский манер лицо посвежело, а карие глаза все чаще загорались юношеским задорным огоньком. И только прямой правильный нос добавлял облику былую строгость, которая легко разбивалась о едва заметную ямочку на подбородке и ломаную линию губ, навечно застывших в ироничной улыбке.

Словом, «Home is home though it be never so homely»¹.

Все сложилось как нельзя лучше: дом купили новый, да еще в самом центре — на Николаевском проспекте; клиентов у заезжего столичного адвоката — хоть отбавляй; в городе — почет и уважение, а после раскрытия убийства французских подданных фамилия Ардашева облетела страницы всех мировых газет. Да вот только Вероника Альбертовна заскучала... Вроде бы и театр в Ставрополе есть, и два синемаатографа имеются, и на журфиксы приглашают, а все равно не то...

Клим Пантелеевич, как умный и наблюдательный человек, причину грусти жены понимал, но поделаться

¹ Home is home though it be never so homely (англ. посл.) — «дома и стены помогают» (прим. авт.).

ничего не мог — да и куда там! — Ставрополь — не Петербург! Тут хоть вдребезги разбейся, а ничего не попишешь. Да разве только в этом дело? Детей Веронике бог не дал, и потому свободного времени у тридцативосьмилетней спутницы знаменитого адвоката хватало с лихвой. И если раньше покупки в новомодных магазинах Невского проспекта, посещения модистки и куафера позволяли на время забыть о дате, указанной в метрическом свидетельстве, то здесь, на периферии, все было по-другому. Модных магазинов имелось всего два, а модистка и парикмахер сами приходили на дом. Так что возможностей для свидания с зеркалом было предостаточно, и столичная madame все чаще предавалась унынию. А тут еще эта полнота... Яблочные, овощные и кисломолочные диеты только разыгрывали аппетит и портили настроение. Оставалось лишь менять гардероб, вздыхать и расстраиваться. В общем, все одно к одному. И никакие профессиональные успехи мужа не могли заглушить тоску немолодой уже женщины.

Тогда-то и задумался отставной коллежский советник о дальнем морском путешествии, предложив «лучезарной Богине» — как шутливо называл супругу бывший «рыцарь плаща и кинжала» — самостоятельно подобрать подходящий маршрут. «Стало быть, поплывем в Африку, — Ардашев открыл жестяную коробочку любимого монпансье и выбрал на этот раз красную конфетку. — И все-таки интересно, почему именно тридцать одна цифра?»

СМЕРТОУБИЙСТВО

У двухэтажного дома на Мещанской улице стояла полицейская коляска, окруженная толпой зевак. Для тихого патриархального города со сотысячным населением любое злоумышление — событие, а убийство — все равно что падение Тунгусского метеорита на Соборную площадь.

В три часа пополудни купец второй гильдии Пустоселов, зайдя в дом, обнаружил в собственном кабинете труп Савелия Лукича Русанова — повара и преданного слуги в одном лице. Белый от страха негоциант все еще никак не мог прийти в себя от недавнего происшествия. Он нервно глотал воду из чайного стакана, стучал зубами о его край и часто крестился на образа. Прямо перед ним сидел начальник губернского сыска и терпеливо ждал, когда свидетель обретет способность к членораздельному общению.

Ефим Андреевич Поляничко за долгую службу повидал всякого и потому в расследовании никогда не «гнал на почтовых». Повинуясь выработанной за годы профессиональной привычке, он внимательно осмотрел двор, все помещения и обстановку, но ничего необычного не обнаружил — типичное обиталище купчишки средней руки со скобяной лавкой в полуподвале. Первый этаж — каменный, второй — деревянный. На улицу выходила только торцевая часть здания в два окна. Одно

из них — кабинетное. Как следовало из допроса приказчика, торговавшего металлическими скобами, задвижками, дверными петлями и прочим хозяйственным товаром, никакого шума с улицы не доносилось и ничего необычного не происходило. Хотя некоторый топот на втором этаже он слышал, но значения этому не придавал. А вскоре раздался крик хозяина о помощи.

Поймав на себе изучающий взгляд свидетеля, Поляничко понял, что пора переходить к вопросам:

— Постарайтесь припомнить все с самого начала: как подошли к дому, открыли калитку...

— Все было как обычно, да и Полкан на цепи спокойно сидел. Чужого он не пропустит — порода свирепая. Горцы таких собак специально для охраны отар держат.

— Скажите, Афанасий Пантелеймонович, вы сразу вышли на улицу и окликнули городского или все-таки сперва кабинет осмотрели? — поглаживая нафиксатуренные усы, осведомился полицейский.

— Когда я это злодейство увидел — не на шутку испугался. Схватил револьвер и давай все углы обшаривать, но все без толку. Никого уже не было. Видать, грабитель через окно ушел. Немудрено — ставни-то открыты были. Вот если бы Лукич их не отворил, может быть, тогда беды бы и не случилось, — пытаясь скрыть нахлынувшие слезы, купец закусил губу и отвел глаза.

— А что у вас похищено?

— Пропали деньги из письменного стола да золотой портсигар — подарок жены на тридцатипятилетие.

— Сумма значительная?

— Полторы тысячи рублей. Хотел новую лавку открыть, товар закупить, да, видно, не сподобилось...

— Кто еще знал о деньгах?

— Кроме меня, никто. Другое дело, что я часто при всех выручку в ящик складывал. Все сейф собирался купить и вот...

— А приказчик ваш что за человек?

— Работает исправно, не ворует. Семьи нет. Живет с какой-то вдовушкой у нее на квартире. Грамоте обучен. Я им доволен.

— Выпивает?

— Иногда, да и то по праздникам. Ну, бывает, иной раз с душком приходит, но такое случается редко.

— Скажите, а погибший жил вместе с вами?

— Да. Его комната в самом низу, как раз за стенкой скобяной лавки, что на первом этаже. Я был там — вещи Савелия на месте. Видно, злодей туда не добрался... Слава богу, хозяйки с детишками дома не было, а то мало ли что...

В соседней комнате слышались женские рыдания и заунывный плач ребенка. Пустоселов умоляющими глазами уставился на полицейского, докучавшего своей назойливостью. Поднявшись со стула, Поляничко сказал:

— Завтра часам к десяти соблаговолите явиться в участок. Вполне возможно, у нас появятся новые вопросы... И супружницу успокойте. А то ведь сердешная, почитай, уже целый час надрывается.

Пустоселов кивнул и быстро исчез в соседней спальне. Поляничко же направился в кабинет.

— Итак, господа, какие имеются соображения?

— Чужой ворон к нам залетел, Ефим Андреевич, нездешний. Наши босяки на такое не отважатся, — кишка у них тонка. Курицу у соседа спьяну стащить, бабу свою арапником отхлестать — мастера. А чтоб так, ножом в брюхо, да четыре раза? Нет, точно говорю, которжанин беглый к нам пожаловал, тать, не иначе. — Антон Филаретович Каширин, помощник начальника сыскного отделения, маленький толстый человечек на коротких, почти черепаших ножках, дважды обошел вокруг трупа и, не дождавшись похвалы начальника, вздохнул и полез за папиросами.

— А вы что скажете, Анатолий Францевич? — Поляничко извлек табакерку и стал неторопливо разминать между пальцами щепоть душистого зелья.

— Его убили примерно пару часов назад, — вытирая платком потную лысину, заключил судебный медик — грузный человек с красным лицом и синими прожилками на носу. Выразительная внешность Наливайко красноречиво свидетельствовала о его пагубной привычке и полностью соответствовала фамилии. — Всего было нанесено четыре колющие раны, каждая из которых уже сама по себе могла вызвать exitus letalis...

— Вы, доктор, сообразовите по-русски выразаться, без этих... знаете ли, заумных иностранных материй, — недовольно фыркнул Каширин и выпустил в окно сизую струю папиросного дыма.

— Ах да, господа, простите. Я хотел сказать, что смерть наступила в результате внутреннего кровоиз-

лияния, сопровождаемого обильным внешним кровотечением.

В это самое время фотограф, спрятавшись под черным и довольно затасканным покрывалом, жег магний в медной воронке и делал снимки в разных ракурсах, ненароком задевая молодого человека в темно-синем мундире. Из-за высокого роста следователю приходилось низко склоняться над столом, и от этого он был похож на вопросительный знак, кой обычно выводят в букварях для письма и чтения. Леечкин Цезарь Аполлинарьевич служил судебным следователем 2-го участка Ставропольского окружного суда и по чину являлся титулярным советником. Приходский священник имел отменное чувство юмора, когда решил осчастливить новорожденного с такой доброй фамилией столь грозным и воинственным именем. Оторвав голову от типографского бланка с заглавием «Протокол осмотра места совершения преступления», он выдал наконец собственные соображения:

— Злоумышленник, судя по всему, проник на второй этаж через открытое окно с целью совершения кражи. Вероятно, преступник неожиданно столкнулся с Русановым и нанес ему несколько ножевых ударов. Я думаю, стоит дождаться результатов дактилоскопического осмотра и уже после этого делать надлежащие выводы.

— Полностью с вами согласен, Цезарь Аполлинарьевич, — кивнул Поляничко и, вдохнув табачную смесь, зашелся чередой нескончаемых чихов. На лице Ефима Андреевича выступили слезы умиления. Промокнув глаза